

XVI. Почему мы – революционеры?

Выше мы показали (по крайней мере, надеемся, что показали), что все люди без исключения имеют право на свободное развитие и на полное удовлетворение своих потребностей, и что государственная власть, собственность и другие учреждения, созданные эксплуатирующим классом для защиты своих привилегий, основанных на ограблении массы, не имеют никакого права на существование. Нам остается теперь рассмотреть пути к уничтожению того порядка вещей, на который мы нападаем, и к осуществлению желательного нам общественного строя; вместе с тем мы должны показать и наше право употреблять те или иные средства, потому что очень многие, вполне соглашаясь с нашей критикой современного строя, вполне сочувствуя нашему идеалу гармонического общества, не могут, однако, примириться с мыслью об употреблении силы и думают, что лучше было бы действовать постепенно, стараться повлиять на людей исключительно силой убеждения, что следовало бы исправлять современное общество мало-помалу.

В природе, говорят нам, все видоизменяется путем эволюции, почему же вы не признаете того же самого в общественной жизни, а хотите достигнуть всего сразу? Стремясь преобразовать общество силой, вы рискуете только все перевернуть, ничего прочного не создав, а главное – рискуете погибнуть сами, вызвать реакцию тем более сильную, чем сильнее было революционное движение, и таким образом задержать на несколько столетий общественный прогресс.

Эти возражения, исходящие от добросовестных людей, руководимых искренним желанием выяснить вопрос, опираются на соображения, с первого взгляда кажущиеся справедливыми, а потому заслуживают того, чтобы на них остановиться.

Действительно, все в природе происходит путем медленной эволюции, путем целого ряда мелких изменений, незаметных, если следить за ними постепенно, и бросающихся в глаза только при резком переходе от одного периода к другому. Так именно развилась жизнь на нашей планете, так выделился человек из животного мира, так стал человек нашего времени совершенно непохожим на человека каменного века.

Но тут упускается из виду одно: а именно, что для того, чтобы эта эволюция происходила совершенно ровно, нужно, чтобы она не встречала на своем пути никаких препятствий; в противном случае, если она обладает достаточным для этого запасом сил, она разрушает эти препятствия, если же нет – то останавливается сама. Всякий раз, когда между чем-нибудь, уже существующим, и стремлением вперед происходит столкновение, мы имеем перед собой революцию, каковы бы ни были размеры данного явления – будет ли это исчезновение целого материка или исчезновение одной частицы в организме.

В настоящее время выяснено, что крупные геологические перевороты вызваны были вовсе не страшными потрясениями и не внезапными переменами, якобы происходившими под напором сил, скрытых под земной корой, а представляют собой результат медленных процессов и незаметных изменений, действовавших в течение целых тысяч веков. Мы знаем также, что те же причины, которые придали земле её современный вид, продолжают действовать и теперь, постоянно подготавливая новые преобразования.

Повсюду дождевая вода размывает горы, просачивается в камни, разрушает самый крепкий гранит. Ничто не делает этой медленной разрушительной работы заметной для взора путешественника; целые поколения сойдут со сцены прежде, чем появится хотя бы сколько-нибудь ощутимое изменение, и тем не менее в один прекрасный день произойдет обвал, который унесет с собой леса и деревни, засыплет русла рек, изменит их течение и распространит повсюду горе и опустошение. Но затем первое впечатление пройдет, жизнь снова возьмет свое, и еще сильнее, еще энергичнее возродится из развалин.

Вся эта эволюция происходит, конечно, очень медленно, но приходит такой момент, когда она не может продолжаться иначе, как при условии нарушить существующий порядок вещей; она продолжает свой путь – и гора, подмытая в самом основании, рушится, унося с собой все, что находится на её поверхности.

Возьмем другой пример. Мы знаем, что море удаляется от одних берегов и, наоборот, все больше и больше затопляет другие. Волны набегают на плоский берег, отрывают куски от почвы, завоевывая себе, таким образом, все большее пространство, а затем эти же самые куски почвы уносятся к другим берегам и там, наоборот, увеличивают область суши на счет моря. Работа эта происходит так медленно, что ее почти невозможно заметить: в течение столетия таким образом уносится всего несколько сантиметров земли. И однако придет момент – может быть через десять, может быть через сто тысяч лет, не все ли равно? – когда стена суши не сможет больше сдерживать напор волн; она поддастся тогда под каким-нибудь одним ударом, и море наводнит прибрежную равнину, черпая новые силы во встречающихся препятствиях, пока не остановится у подножия какой-нибудь новой преграды, которая снова задержит его на более или менее долгий промежуток времени, смотря по степени своей устойчивости.

То же самое происходит и в наших обществах. Общественная организация и созданные для её поддержки учреждения являются преградами для прогресса; в обществе же, напротив, все стремится к разрушению этих преград: идеи изменяются, нравы преобразуются, понемногу подрывается уважение к старинным учреждениям, которые тем не менее существуют и хотят продолжать управлять по-прежнему жизнью общества и личности. Эта медленная разрушительная работа может быть незаметной для поколения современников. От времени до времени исчезают некоторые прежние обычаи или ослабевают какой-нибудь предрассудок, но это подготавливается так постепенно, что никто этого не замечает; только старики, сравнивая привычки своей юности с привычками сменяющего их молодого поколения, видят происшедшее в нравах изменение.

Но изменились только нравы, а общественные учреждения и общественная организация остались те же: они по-прежнему задерживают напирющие на них волны, которые в

бессилии разбиваются у их подножья, лишь то там, то сям отнимая по камню. Этих камней волны в своем бешенстве могут оторвать целые тысячи. Что такое отдельный камень в сравнении с могущественной каменной глыбой? Ничто; но волны уносят этот камень с собой и, вновь напирая на каменную преграду, бросают им в нее, бьют им в стену, как тараном, и отрывают еще несколько камней, которые, в свою очередь, превратятся в новые орудия нападения. Борьба может продолжаться тысячи лет и скала будет казаться все такой же неприступной вплоть до того дня, когда, подрывая у самого своего основания, она рухнет под новым напором и даст широкий доступ торжествующим волнам.

Мы, несомненно, были бы очень рады, если бы общественная эволюция совершалась медленно, непрерывно и без потрясений; но это от нас не зависит. Мы, как пропагандисты, исполняем свою задачу, проповедуем идеи общественного обновления, а эти идеи составляют ту каплю, которая просачивается в камень, долбит его и прокладывает себе дорогу к самому подножью скалы. Можем ли мы помешать этой скале рухнуть и унести с собой все те подпорки, которые вы построили для её укрепления?

Никто, кроме буржуазии, не заинтересован в том, чтобы общественное преобразование совершилось без потрясений. Почему же, в таком случае, вместо того, чтобы пытаться сохранить скалу в том виде, как она есть, и постоянно подпирать ее, она, наоборот, не поможет нам скрыть ее и устроить так, чтобы воды могли спокойно течь к плоским равнинам, унося с собой негодные или вредные части, которые затем образуют отложения на этих равнинах и послужат к возвышению их уровня? Безумцы! они не хотят уступить ни малейшей доли своих привилегий; как скала, они считают себя неуязвимыми для напирających на них волн. Что значат для них те немногие уступки, которые рабочим удалось вырвать в течение всего целого столетия? Их привилегии так громадны, что опустошение почти незаметно. Но волны уже пробили брешь, уже борются со скалой с помощью от неё же оторванных камней и скоро окончательно разрушат ее. Мы только содействовали этой эволюции; если же, благодаря безумному сопротивлению буржуазии, она превратится в революцию, пусть пеняют на себя.

И, в самом деле, стоит нам только посмотреть беспристрастным взглядом на окружающие нас общественные явления, чтобы увидеть, что анархисты становятся революционерами только в силу естественного хода вещей. Они убедились в том, что причина всех зол, от которых страдает общество, лежит в самой его организации, и что все палиативы[35], предлагаемые политиками и социалистами, совершенно неспособны внести какое бы то ни было улучшение, потому что они уничтожают только внешние проявления, а не самый корень зла.

Когда человек сыт, когда его потребности более или менее удовлетворены, то ему легко ждать; но тот, кто испытывает и физический и умственный голод, не может, раз только он понял причину существующего зла, довольствоваться надеждой на лучшее будущее, а будет всегда стремиться перейти от теоретических соображений к практическому делу.

Разве твердо убежденный в чем-нибудь человек не стремится всегда проповедовать свое убеждение, воплощать его в жизнь? Разве может человек, вполне убежденный в истинности какой-нибудь идеи, не стараться убедить в том же и других, а в особенности – не стараться

осуществить ее, согласуя с ней свою личную жизнь? А что такое, в современном обществе, проведение в жизнь новых идей, как не революционное дело? Как же вы хотите, чтобы те самые люди, которые сделали все, от них зависящее, для распространения новых идей, которые старались показать и причины общественного зла и средства к его устранению, старались нарисовать идеал лучшего будущего, – чтобы эти самые люди стали поперек дороги тем, кто стремится осуществить эти идеи на практике, чтобы они сказали им: «Продолжайте наслаждаться перспективой будущего счастья, продолжайте страдать, вооружитесь терпением: когда-нибудь ваши эксплуататоры согласятся, может быть, сделать вам некоторые уступки». Это было бы ничем иным, как жестокой насмешкой.

Конечно, мы были бы очень рады, если бы буржуа сами поняли всю нравственную низость своего положения, сами отказались бы от эксплуатации рабочих и передали бы свои фабрики, дома, земли и копи в руки общества, которое стало бы пользоваться ими для себя и заменило бы царство конкуренции царством солидарности. Но можно ли серьезно надеяться на то, что капиталисты дойдут когда бы то ни было до такой степени бескорыстия, когда мы видим, что они направляют всю силу своего войска, своей полиции и своих судов на подавление самых ничтожных требований рабочих?

Теории, мечты о лучшем будущем – прекрасная вещь; но если бы оппозиция существующему строю сводилась к салонной философии или к послеобеденным разговорам сытых людей, если бы все ограничивалось бесплодными жалобами на современное положение вещей и мечтаниями о будущем благе, то мы были бы очень похожи на того сытого филантропа, с туго набитым кошельком, который говорит умирающему с голода бедняку: «Мне от души жалко вас, ваша судьба озабочивает меня в высшей степени, и я душевно желаю, чтобы ваше положение улучшилось; а пока – будьте бережливы и постарайтесь скопить себе на черный день», а затем проходит мимо, вполне довольный собой. Если бы это действительно было так, то буржуазия могла бы рассчитывать еще очень долго эксплуатировать рабочих, а рабочие еще не скоро увидели бы конец своей нужде и страданиям.

К счастью, от идейных стремлений до попытки их осуществления, как мы видели, – один шаг, и многие человеческие натуры очень склонны этот шаг делать; а так как теория анархизма есть теория деятельная, то эти революционные натуры встречаются чаще в среде анархистов, чем в какой бы то ни было другой. Отсюда те многочисленные революционные акты, которые так пугают робкие умы, но которые для нас служат лишь доказательством развития наших идей.

Проповедовать жертвам эксплуатации покорность судьбе значило бы быть за одно с эксплуататорами; мы предоставляем эту роль христианству. Ни примирение с действительностью, ни платонические надежды не могут изменить положения: для этого нужно дело, а самое лучшее дело, это – устранение стоящих на пути препятствий.

Довольно уже люди преклонялись перед властью имущими, довольно они ждали спасения от свыше посланных личностей, довольно рассчитывали на чисто политические перевороты, на действие законов. Осуществление наших идей на практике требует людей сознательных, понимающих свою силу, умеющих заставить уважать свою свободу, не становясь в то же время тиранами других, – людей, которые не рассчитывают ни на кого, кроме себя самих,

своей собственной инициативы, своей собственной энергии. А эти люди явятся только тогда, когда мы будем проповедовать не примирение с существующим, а, наоборот, протест против него.

Это не значит, однако, что анархисты отказываются от содействия тех, которые не склонны к активной борьбе, а хотят ограничиться исключительно распространением идей, подготовлением дальнейшей эволюции; они даже не требуют, чтобы все их идеи были непременно восприняты целиком. В их область входит все, что уничтожает какой-нибудь предрассудок, устраняет какой-нибудь ложный взгляд, устанавливает какую-нибудь новую истину. Анархисты не пренебрегают ничьей помощью, не отталкивают никого; они всегда рады протянуть руку каждому, кто может дать им что-нибудь новое; они довольствуются тем, что соединяют в одно отдельные усилия и обобщают отдельные стремления, чтобы дать людям возможность разобраться в их собственных желаниях.

Наконец, если бы даже они этого захотели, анархистам невозможно оставаться мирными деятелями: силой вещей они приходят к более решительным действиям. Может ли выносить хотя бы придирки полицейского тот, кто раз понял, какую низкую роль он играет? Можно ли переносить дерзость какого-нибудь судьи, когда критика уже лишила его священного ореола, окружавшего его раньше? Можно ли относиться с уважением к богачу, когда знаешь, что роскошь, среди которой он живет, соткана из нищеты сотен семей?

Может ли он согласиться идти в казармы, чтобы там служить игрушкой в руках слуг своих эксплуататоров, тот человек, который уже знает, что патриотизм есть не более, как предлог, а настоящая роль солдата это – убийство его собратьев-бедняков?

Тот, кто понял, что бедность есть результат плохого общественного устройства, что одни умирают с голоду только потому, что другие слишком сыты, или хотят накопить богатства для своих наследников, тот не легко согласится умереть где-нибудь на улице. Приходит минута, когда, как бы человек не был миролюбиво настроен, он отвечает на силу – силой, на эксплуатацию – революционным актом.

Тем, кому хотелось бы, чтобы общество преобразовалось без всяких потрясений, лучше расстаться с этой мечтой: она не осуществима. Идеи развиваются и неизбежно ведут нас к революции; об этом можно сожалеть, но это – факт, с которым приходится смириться. Никакие сетования тут не помогут, а раз уже революция неизбежна, то единственное средство помешать ей пойти против прогресса, это – принять в ней участие и постараться направить ее к осуществлению нашего идеала.

Мы не принадлежим к числу проповедников насилия; мы не занимаемся и тем, чтобы постоянно ругать фабрикантов и капиталистов, как либеральные буржуа когда-то постоянно ругали попов; мы не хотим толкать людей на то или другое дело, на тот или иной поступок. Мы убеждены, что люди делают только то, на что твердо решились сами, и что проповедовать какой-нибудь поступок можно только примером, а не словами или советами; вот почему мы ограничиваемся тем, что выводим известные логические последствия, предоставляя каждому выбирать тот способ действия, который кажется ему наилучшим. Но мы уверены, вместе с тем, что чем лучше будут поняты и чем больше будут развиваться

наши идеи, тем многочисленнее будут и акты революционного протеста.

Чем глубже проникнут наши взгляды в массу, тем сознательнее она будет становиться, тем живее будет в ней чувство собственного достоинства, и тем менее она, следовательно, будет склонна переносить притеснения со стороны властей и эксплуатацию со стороны капиталистов; тем чаще и многочисленнее станут в ней проявления духа независимости. И это не только не огорчает нас, но совершенно наоборот: каждый акт индивидуального протеста – лишний удар топора в давящее нас старое общественное здание. А раз уже прогресс не может обойтись без потрясений и жертв, то мы можем только приветствовать тех, кто погибает в буре, и надеяться, что их пример вызовет новых подражателей, более многочисленных и лучше вооруженных, и что их удары будут еще сильнее.

Но каково бы ни было число гибнущих в борьбе, это число все-таки очень мало в сравнении с теми бесчисленными жертвами, которых постоянно поглощает чудовищная пасть нашего общества. И чем напряжённое будет борьба, тем меньше будет её продолжительность, а, следовательно, тем больше окажется спасенных человеческих жизней – жизней, которые иначе были бы осуждены на нужду, болезни, истощение и вырождение.